

Т. А. Пушкина

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВОСТОКА НА СКАНДИНАВИЮ И РУСЬ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Вопрос о культурном влиянии Востока на Скандинавию периода викингов был рассмотрен более 100 лет назад известным шведским археологом Т. Арне [Arne, 1914]. Знаток скандинавской и восточной археологии, прекрасно владевший русским языком и благодаря этому знавший российские (а потом и советские) публикации, Т. Арне обратил внимание на археологический материал – сосуды, предметы прикладного и ювелирного искусства, предметы вооружения, происходившие как с территории Древней Руси, так и с территории Скандинавии, но по своему облику или деталям оформления восходящие к «восточным древностям». Основные контакты между Севером и Востоком, по мнению автора, происходили на торговых путях Восточной Европы, проходивших по территории раннего периода становления Древней Руси и связывавших Скандинавию с Хазарией и арабским Востоком. Одним из проявлений культурного влияния Востока стало распространение поясных наборов в мужском костюме – с этим можно связать какое-то количество находок поясной гарнитуры в погребениях эпохи викингов. Позднее вопрос о времени появления и стилистике поясных наборов на примере материалов могильника Бирки (Швеция) был рассмотрен И. Янсоном, который отталкивался от высказанного ранее предположения [Jansson, 1986].

Поясные накладки так называемого восточного типа, в первую очередь, украшенные стилизованным изображением лотоса, как писал Т. Арне, имели хазарское происхождение и проникли на территорию Скандинавии по Волжскому пути [Arne, 1914, p. 93, 96].

Исследования поясной гарнитуры населения салтово-маяцкой культуры показало, что в IX в. на территории Хазарского каганата распространился единый стиль художественного оформления и техники исполнения этих предметов. Собственно салтовские изделия этого времени, как правило, выполненные из серебра и зачастую покрытые позолотой, достаточно выразительны. Считается, что их ассортимент был связан с запросами воинской среды и мог производиться в мастерских, которые располагались в ставках военных предводителей [Фонякова, 1986, с. 45]. Украшенные изображением лотоса, его бутона, нескольких цветков и побегов, поясные накладки наиболее часто встречаются в салтовских древностях Восточной Европы, относимых к IX – началу X в. и встречающихся на широкой территории от Дагестана до Левобережной Украины [Комар, 1999, с. 130].

Отдельные поясные бляшки «восточного типа» появились на территории юго-западной Финляндии и Средней Швеции в раннем периоде викингов (конец VIII – конец IX в.). К этому времени относятся редкие единичные находки ременных накладок, которые здесь были использованы в качестве нагрудных украшений [Arne, 1914, fig. 232; Kivikoski, 1973, S. 813, 912; Jansson, 1988, S. 610]. Ременные бляшки, характерные для мужского костюма населения лесостепных районов Восточной Европы, но превращенные в женские украшения, найдены в нескольких районах Скандинавии в погребениях IX–X вв. и кладях X в. [Jansson, 1986, S. 81–84, 89–90]. Превратить поясные накладки в подвески было очень просто. В первую очередь в качестве подвески были использованы бляшки с отлитой вместе с ними петелькой, к которой в поясных наборах алано-болгарских племен Восточной Европы прикреплялись дополнительные узкие ремешки. Кроме того, в нагрудное украшение легко превращались бляшки с утраченными литыми петельками или горизонтальной прорезью вдоль нижнего края, к которым местными мастерами приделывалось пластинчатое ушко из тонкой согнутой полоски металла. Именно такие бляшки-подвески известны в нескольких финских и шведских могильниках.

Большинство находок поясных бляшек, использованных не по прямому назначению, происходит из могильника Бирки. Здесь

в 21 погребении найдено 55 серебряных позолоченных бляшек, украшавших женские ожерелья. Как правило, в ожерелье оказывается только одна бляшка-подвеска (12 погребений); в пяти погребениях оказалось по две бляшки-подвески и в каждом из трех – 3, 11 и 13 бляшек. Часть подвесок – это характерные для степных наборов поясные накладки, отлитые вместе с петелькой [Arbman, 1943, Taf. 95:2, 3, 4; 96:8; 96:17, 18]. В нескольких случаях в нагрудное украшение превращены типичные поясные бляшки с длинной узкой прорезью вдоль нижнего края, к рамке которых дополнительно прикреплены пластинчатые петли-ушки [Arbman, 1943, Taf. 96:2a; 96:3a].

К одним из наиболее ранних относятся превращенные в подвески бляшки из погребений Бирки, совершенных «около 800 года» [Jansson, 1978, S. 398]. Примерно треть подобных находок из Бирки – это поясные бляшки, украшенные характерным для салтовского прикладного искусства изображением трилистника или лотоса.

Время изготовления большинства бляшек, вошедших в состав нагрудных украшений жительниц Бирки, на основании восточноевропейских аналогий может быть определено как первая половина, но не позднее 40-х гг. X в. Примечательно, что погребения с бляшками-подвесками не содержат монет младше 925 г. Отдельно прикрепленные петельки, превратившиеся поясные накладки в нагрудные женские украшения, очень характерны. Они согнуты из узких серебряных полосок с 2–3 рельефными продольными валиками [Arbman, 1943, Taf. 95:2; 96:1, 2; 96:3a, 7, 12, рис. 1: 6, 7].

В свое время Т. Арне предположил, что поясные накладки так называемого восточного типа, в первую очередь, украшенные стилизованным изображением лотоса, имели хазарское происхождение и проникли на территорию Скандинавии по Волжскому пути [Arne, 1914, p. 93, 96]. По мнению И. Янссона, основная масса восточных поясных накладок, датированных X в., может происходить из стран халифата, Хазарии, Волжской Болгарии или южных и юго-восточных районов Руси, для населения которых поясные наборы являлись обычной частью воинского снаряжения. Важно отметить основной ареал и время наибольшего распространения деталей поясной гарнитуры, происходящих из таких известных памятников, как Киевский могильник, Гнёздовский и Тимеревский археологические комплексы. По наблюдению В. В. Мурашёвой, для погребений этих могильников характерно значительное число накладок, выполненных в традициях

волжско-болгарских ремесленных центров второй половины X в. (от 53 до 89%). Мода же на наборные пояса в среде древнерусских дружинников распространяется, судя по всему, не ранее середины X в. [Мурашёва, 2000, с. 84, 93, табл. на с. 95].

Среди материалов древнерусских раннегородских и так называемых дружинных некрополей X в. практически нет поясных наборов, украшенных характерными серебряными салтовскими или хазарскими бляшками VIII – первой половины X в., но отмечены отдельные случаи превращения ременных накладок в женское украшение. В работе В. В. Мурашёвой 2001 г. указаны всего 9 находок ременных бляшек, использованных в качестве женского украшения [Мурашёва, 2001, с. 55] – Гнёздово (4 экз.), Седнев (1 экз.), Тимерево (1 экз.), Михайловское (2 экз.), Владимирские курганы (1 экз.). На самом деле их несколько больше – автор не учла опубликованные находки из киевского некрополя (1 экз.), подвески в составе гнёздовского клада 1867 г. (2 экз.), а так же ряд неопубликованных находок из раскопок гнёздовского поселения. Кроме того, о нескольких новых находках стало известно после 2001 г.

Так, серебряная бляшка удлиненной формы, дополненная ушком для подвешивания, обнаружена в киевском погребении 124, совершенном не ранее середины X в. [Каргер, 1958, с. 210, табл. XXVIII]. Превращенная в подвеску полукруглая серебряная бляшка входила в состав ожерелья погребения 459 тимеревакого могильника, датированного авторами раскопок концом X – началом XI в. [Фехнер, Недошивина, 1987, с. 81, рис. 7]. Погребение первой половины X в. Михайловского могильника (кургана № 1) содержало две круглых восточных бляшки, одна из которых служила подвеской [Мурашёва, 1999, с. 31, рис. 11, 1].

Гнёздово – памятник, наиболее насыщенный деталями ременной гарнитуры, отсюда происходит более 39% учтенного материала [Мурашёва, 2000]. Большинство обнаруженных в Гнёздове ременных бляшек было изготовлено в традициях черниговской и волжско-болгарской школ X в. – на это указывают их форма, декор и технология [Мурашёва, 2000, с. 95]. Использование ременной бляшки в качестве женского украшения для Гнёздова (как и для других «дружинных» памятников) не характерно – практически все они являлись деталями ременной гарнитуры. Находки бляшек-подвесок отмечены здесь в погребениях только дважды (всего 4 экземпляра), причем в этих случаях серебряные бляшки превращены в украшение с помощью

характерных для скандинавского ремесла приемов – прикрепление пластинчатого ушка. Оба названных погребения относятся к середине – второй половине X в. К этим находкам можно добавить еще две типичные серебряные маленькие накладки (также с прикрепленными к ним характерными ушками) из разрушенного культурного слоя Центрального городища и две бляшки из клада 1867 г. [Гущин, 1936, табл. III:14]. Клад был датирован последней третью X в. [Гущин, 1936, с. 53]. Новые находки серебряных сканно-зерновых украшений и состав денежно-вещевого клада, обнаруженного в Гнёздове в 1993 г., близкого по набору серебряных украшений кладу 1867 г. и датированному 50-ми гг. X в. [Пушкина, 1996, с. 186], дают основание предположить более раннюю дату выпадения комплекса 1867 г. – третью четверть X в., что в целом не сильно меняет его хронологию. Обращает на себя внимание время, к которому можно отнести сохранившиеся эти предметы гнёздовские комплексы, – не ранее середины X в. В связи с этим вспомню еще две находки – типологически относительно ранние бляшки, происходящие из культурного слоя Рюрикова Городища, датированного временем не позднее третьей четверти X в. Обе серебряные бляшки украшены изображением трилистников, обе использовались как нагрудные украшения – у них спилены шпеньки на оборотной стороне, а у одной прикреплено ушко из узкой рубчатой пластины. Однако автор публикации указывает прямые аналогии этим находкам в материалах конца VIII – IX в. [Дорофеева, 2013, с. 236–237, рис. 1, 3, 4].

Видимо, это были отдельные, случайно попавшие в названные центры предметы. Во всех рассмотренных случаях бляшки были превращены в украшения с помощью прикрепления стандартного ушка из рубчатой пластинки, что обычно для скандинавской ремесленной традиции, но не характерно для местной культуры.

Вслед за Арне Янссон отмечал, что благодаря тесным связям между Русью и Скандинавией в течение среднего периода викингов (т.е. в конце IX – второй половине X в.) скандинавы усвоили восточную моду в одежде, включающей поясной набор [Jansson, 1997, р. 799]. Что понимается под «тесными связями» и каким образом скандинавы получали возможность непосредственно познакомиться с элементами восточной культуры?

Очень выразительными в связи с этой темой, на мой взгляд, являются еще несколько предметов, в числе которых ряд экзотических. Среди них – единственные в своем роде находки, обнаруженные

в Вестерётланде (Швеция) и Гнёздове [Пушкина, 2007, с. 325–331]. В обоих случаях для изготовления украшений использованы маленькие пятиугольные бляшки с изображением трилистника и процветшего лотоса. Отлитые из серебра и позолоченные бляшки (по 3 экземпляра в каждом случае) закреплены на поверхности гладкой серебряной пластины (находка из Вестерётланда) и серебряной сасанидской монеты (находка из Гнёздова) (рис. 1: 1, 4). Орнамент и форма бляшек, образующих лицевую сторону этих предметов, характерны для поясных наборов салтово-маяцкой культуры, особенно для памятников ее лесостепного варианта [Фонякова, 1986, с. 37–39, 44]. Аналогичные по форме и орнаментации бляшки найдены в погребениях таких классических памятников IX – начала X в., как Верхне-Салтовский и Дмитриевский могильники [Покровский, 1905, табл. XXI:53; Плетнёва, 1989, рис. 36], Агачкалинского могильника IX–X вв. в Дагестане [Смирнов, 1951, с. 117, рис. 1, 2]. Находки таких же накладок, отдельных и в наборах, происходят с территории Среднего Поволжья, тесно связанного с Хазарским каганатом – они известны в нескольких погребениях IX в. Лядинского и Больше-Тиганского (VIII – первая половина IX в.) могильников [Ястребов, 1893, табл. VI:5; Халикова, 1976, рис. 11:8–9]. Таким образом, по всем признакам сами бляшки в составе гнёздовской и шведской находок можно датировать довольно широко от IX – по первую половину X в.

Вся композиция гнёздовской находки превращена в подвеску с помощью ушка в виде согнутой узкой серебряной ленты, украшенной рельефными продольными валиками. Ушко закреплено при помощи одного из шпеньков верхней бляшки (каждая бляшка имеет по три шпенька), пробившего край монеты. Поверхность всех бляшек сильно потерта. Сама подвеска, видимо, долго была в употреблении – ушко перетерлось, и украшение хозяйкой было потеряно.

В данном случае особенно интересна одна находка среди описанной выше небольшой группы украшений, входивших в состав ожерелий в Бирке. Это бляшка-подвеска из погребения 184, относящегося к раннему периоду Бирки, который датируется в пределах IX – начала X в. [Arbman, 1943b, Taf. 96:9] (рис. 1, 3). Серебряная позолоченная бляшка удивительно похожа на каждую из трех, образующих лицевую сторону гнёздовской подвески, и превращена в украшение с помощью такого же ушка. Подвеска из Бирки как бы связывает гнёздовскую подвеску с находкой из Вестерётланда. Последнюю

отличают от гнёздовской только две небольшие детали: закрепление бляшек не на монете, а на гладкой (?) пластине, тоже серебряной, и отсутствие ушка.

Находки предметов, вырезанных из полудрагоценных камней или украшенных ими, для территории Восточной и Северной Европы раннесредневекового времени единичны и являются уникальными – пальцев обеих рук хватит для их подсчета¹. К их числу относятся печати и инталии, или вставки для перстней. Так, при раскопках гнёздовского селища в переотложенном культурном слое рубежа IX/X – начала XI в. была найдена сердоликовая печать-инталия, относящаяся к широко распространенным в VI–VII вв. в Закавказье и Южном Прикаспии сасанидским печатям [Вешнякова, 1995, с. 68, рис. 1]. Находки сасанидских печатей и подражаний им известны на целом ряде памятников Северного Кавказа [Прокопенко, 2009]. Халцедоновая печать того же типа, но отличающаяся от гнёздовской изображением, найдена в Ростове Великом в напластованиях конца XI – начала XII в. [Леонтьев, 2016, с. 37–41, рис. 2, 1, 2]. Подобная находка того же времени обнаружена в одном из погребений периода викингов в Уппланде (Средняя Швеция), где она была использована в качестве бусины в составе ожерелья (! – Т. П.) [Jansson, 1988, S. 587, Abb. 11].

Также с территории Средней Швеции происходят три сердоликовых амулета в виде жука-скарабея, ближайшая аналогия которым известна среди материалов хазарского агачкалинского могильника IX–X вв. Два из них найдены на поселении Бирки, один – в погребении могильника на западном побережье оз. Мелар [Jansson, 1988, S. 588, Abb. 12]. Аналогичный предмет, но исполненный более небрежно, имеется в коллекции находок из Старой Ладogi [Давидан, 1988, с. 110–111, рис. 1, 1]. Кроме того, в культурных напластованиях X в. Старой Ладogi были найдены две несущие на себе благожелательные арабские надписи вставки перстней, сердоликовая и хрустальная [Кирпичников, 2009, рис. 8, 9]. Перстень с арабской надписью на сердоликовой вставке происходит их тимереvских курганов [Фехнер, Недошивина, 1987, с. 82]. Очень показательны два «восточных» перстня из шведской Бирки [Jansson, 1988, S. 578, Abb. 6]. Первый из них – серебряный с аметистовой вставкой, украшенной

¹ Бусы из сердолика или горного хрусталя в значительном количестве хорошо известны по материалам погребений, и они в данном случае не учитываются.

вырезанным словом «аллах», второй – с сердоликовой вставкой в серебряной оправе, декорированной завитками и восточными пальметтами. Оба перстня использовались в качестве нагрудных украшений.

Небольшая бронзовая статуэтка, изображающая сидящего на цветке лотоса Будду, была найдена на одной из террас при раскопках поселения периода викингов на о. Хельго в Средней Швеции [Holmqvist, 1961, p. 88, fig 18–20, pl. 21–22]. Иконография и манера исполнения позволили отнести статуэтку к изделиям кашмирских ремесленников и датировать ее VI–VII вв. [Jansson, 1988, S. 629, Abb. 34; Завьялов, 1995, с. 137–142, рис. 1]. Дополняют этот небольшой список найденные в Естрикланде бронзовая курительница с арабской надписью, лампа и несколько фрагментов бронзового светильника, вероятно, изготовленные на территории Ирака в IX в. [Jansson, 1988, S. 621–622, Abb. 31A].

Определить характер происхождения предметов, необычных или чуждых для данной местной культуры, особенно, если они единичны, довольно трудно. Обычно их считают импортом и рассматривают как доказательство осуществления дальних торговых связей. Но такое объяснение приемлемо, на мой взгляд, по отношению к изделиям, представленным заметным количеством находок или своеобразными сериями.

Отмеченная редкость описанных здесь находок позволяет предполагать какие-то особые причины, объясняющие их появление вдали от мест изготовления и правильного использования. С учетом ограниченности и нерегулярности торговых связей Древней Руси и Скандинавии IX–X вв. – они могли оказаться дарами, сувенирами или трофеями [Даркевич, 1973].

География находок, в том числе и редких для лесной зоны Восточной Европы и Скандинавии конца IX–X вв. бляшек восточного (хазарского) происхождения, достаточно выразительна – преимущественно они происходят из пунктов, расположенных на важнейших водных магистралях (Волжской и Волховско-Днепровской). Причем зачастую именно из тех пунктов, где убедительны археологические следы пребывания скандинавов.

Как известно, скандинавы появились на Севере Руси в середине VIII в., а в IX в. их присутствие в Поволховье достаточно хорошо подтверждается материалами Старой Ладogi и Рюрикова Городища и отражено отдельными выразительными находками этого времени

в районе Верхней Волги. Для X в. отмечается более широкое распространение скандинавских древностей, иллюстрирующих пребывание скандинавских дружинников, ремесленников и прочего люда на территории Древней Руси: многочисленные находки происходят с территории Верхнего и Среднего Поднепровья, районов Чудского озера, Приладожья, Волго-Окского междуречья [Pushkina, 1997, p. 83–91]. Совершенно очевидно, что скандинавы входили во все социальные группы древнерусского населения [Stalsberg, 1988, S. 466–467; Jansson, 1997, p. 9–63]. Больше всего возможностей познакомиться с восточным миром было у дружинников, значительную часть которых составляли выходцы из Скандинавии, известные арабским авторам под именем русов. Безусловно, прямолинейно проецировать сообщения письменных источников на археологический материал нельзя, но игнорировать эти сведения все-таки не стоит.

Судя по сообщениям арабских авторов IX–X вв., русы активно участвовали в военных кампаниях на стороне Хазарского каганата в период со второй половины IX – по середину X в. [Минорский, 1963, с. 150].

Известно о нескольких так называемых каспийских походах русов. Первый из них, по сообщению табаристанского историка Ибн Исфандейра, которое подвергается сомнению [Новосельцев, 1990, с. 243], состоялся между 864 и 884 гг., и русы прошли вдоль побережья Южного Прикаспия. В начале X в. русы предпринимают еще один или два похода – по этому поводу существуют некоторые разногласия между исследователями.

Учитывая события, происходившие на Восточном Кавказе между 909 и 912 гг. (борьба хазар с закавказскими мусульманами), А. П. Новосельцев предположил, что был только один поход русов, состоявшийся между 909 и 914 гг. Ученый был склонен связывать его с выполнением Русью договора (или договоров) между Олегом и Византией – империей, имевшей, как известно, враждебные отношения с арабскими правителями, расширявшими свое влияние на Кавказе. Эта тенденция беспокоила и Хазарию [Новосельцев, 1990, с. 213]. Эту мысль поддержала И. Г. Коновалова, предположившая, что в 909 или 910 г. русы были направлены из Киева для выполнения одного из пунктов договора с Византией или, что звучит довольно интересно, – это была личная инициатива норманнов, которым нечего было делать после византийского похода [Коновалова, 1999, с. 115]. Русам надо было как-то добраться из Поднепровья

на Каспийское побережье, и путь их лежал через территорию салтово-маяцкой культуры и земли Хазарского каганата.

Выдержка из ал-Масуди: «...Когда суда русов дошли до хазарских войск, размещенных у входа в пролив, они снеслись с хазарским царем [прося разрешения] пройти через его землю, спуститься вниз по его реке, войти в реку и таким образом достичь Хазарского моря... с условием, что они отдадут ему половину добычи, захваченной у народов, живущих у этого моря. Он разрешил им совершить это, и они вошли в пролив... [дошли до города Атиль] и пройдя мимо достигли устья, где река впадает в Хазарское море. Суда русов разбрелись по морю и свершили нападение на Гилян, Дейлем, Табаристан, Абаскун, стоящий на берегу Джурджана, на нефтяную область (Апшерон) и на земли, лежащие по направлению к Азербайджану... Они рассылали отряды, которые грабили и жгли... Когда русы набрали добычи и им наскучили их приключения, они двинулись к устью Хазарской реки и снеслись с хазарским царем, которому послали денег и добычи, как это было договорено между ними» [Минорский, 1963, с. 199–200]. Можно только догадываться, что еще кроме арабского монетного серебра составило военную добычу возвращавшихся из похода русов.

Далее события развивались довольно драматично. Мусульмане Итиля и мусульмане, состоявшие в войске хазарского правителя, возмущенные действиями русов, разоривших поселения их единоверцев в Прикаспии, с молчаливого согласия кагана, который вроде бы даже пытался предупредить русов, собрали войско и «спустились вниз по реке, ища встречи с ними (русами). Когда они оказались лицом к лицу, русы оставили свои суда... Битва длилась 3 дня. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спаслись из них около 5000, которые на своих судах пошли к той стороне, что ведет к стране Буртас (т.е. к правому или западному берегу Волги. – Т. П.). Они бросили свои суда и двинулись по суше. Некоторые из них были убиты буртасами, другие попали к булгарам-мусульманам, которые также поубивали их. Всего убито было около 30 000» [Минорский, 1963, с. 200]. Вероятно, количество погибших русов сильно преувеличено арабским автором. Во всяком случае, какая-то часть уцелевших в этой битве русов, видимо, двинулась по «домам». А. П. Новосельцев обратил внимание на то, что после разгрома под Итилем русы двигались по суше, и там они столкнулись с болгарами. Исследователь предположил, что оставшиеся в живых русы могли разделиться

на два отряда: один двинулся на север вверх по Волге, чтобы пройти во «Внешнюю Русь», а другой – через хазарские владения на запад, в сторону Киева [*Новосельцев, 1990, с. 244*]. Не думаю, что при этом русы обходили стороной поселения салтово-маяцкой культуры, расположенные между Волгой и Днепром.

Г. С. Лебедев прослеживал четыре волны поступления восточного серебра на территорию Скандинавию в течение периода викингов, связывая с ними появление восточных монет в инвентаре могильника Бирки. Отмеченная автором динамика выпадения восточного серебра в погребениях раннегородского центра Средней Швеции в общих чертах согласуется с наблюдениями нумизматов о характере поступления дирхама на Север, но только объясняется ими по-иному. Три из четырех волн поступления арабских монет в Бирку Г. С. Лебедев объяснял удачным возвращением викингов из восточных походов, в том числе и в Южный Прикаспий [*Лебедев, 1985, с. 252–255*]. Такое заключение спорно, но тем не менее очень привлекательно. Вероятно, наиболее удачливые из участников военных походов везли с собой не только арабское монетное серебро.

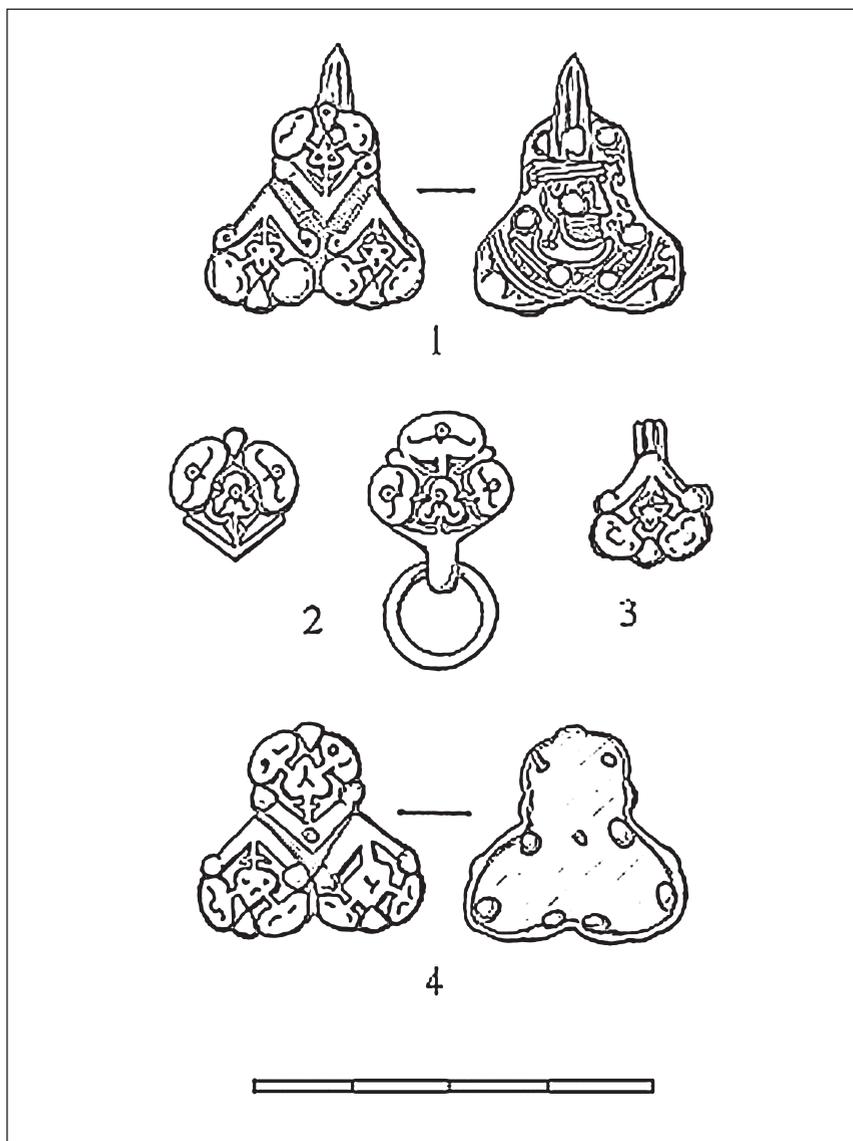

Рис. 1.
Ременные бляшки и подвески: 1 – Гнёздово;
2 – Верхне-Салтовский могильник; 3 – Бирка, 4 – Вестерётланд,
Швеция. Рисунки А. С. Дементьевой.

Литература

- Вешнякова К. В.* Сасанидская печать из Гнёздова // Древние культуры и технологии. СПб., 1995.
- Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.
- Давидан О. И.* Скарабей из Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 29, Л., 1988.
- Даркевич В. П.* К истории торговых связей Древней Руси // КСИА. Вып. 138. М.–Л., 1973.
- Дорофеева Т. С.* Круглые привески с Городища под Новгородом (по материалам раскопа 2011 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 58-го заседания. Москва–Псков, 2013.
- Завьялов В. А.* К вопросу о происхождении статуэтки Будды из Хельго // Археологические вести. Вып. 4. СПб, 1995.
- Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.–Л., 1958.
- Кирпичников А. Н.* Историческое наследие Старой Ладоги // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009.
- Комар А. А.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antique. № 2. 1999.
- Коновалова И. Г.* Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., ЛГУ, 1985.
- Леонтьев А. Е.* Сасанидская гемма из Ростова Великого // КСИА. Вып. 245. Ч. 2. М., 2016.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963.
- Мурашёва В. В.* Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Труды ГИМ. Вып. 111. М., 1999.
- Мурашёва В. В.* Древнерусские ременные наборные украшения X–XIII вв.). М., 2000.
- Мурашёва В. В.* Бляшки-подвески с территории Древней Руси // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Москва–Архангельск, 2001.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Пушкина Т. А.* Новый гнёздовский клад // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996.
- Пушкина Т. А.* Сувениры Аустрвега // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской области археологической экспедиции. СПб, 2007.

- Прокопенко Ю. А.* Сасанидские геммы (и инталии) и подражания им из памятников Северного Кавказа // Из истории культур народов Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 2009.
- Смирнов К. Ф.* Агачкалинский могильник – памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. Вып. XXXVIII. 1951.
- Фонякова Н. А.* Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. 1986. № 3.
- Халикова Е. А.* Больше-Тиганский могильник // СА. 1986. № 2.
- Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники // Материалы по археологии России. СПб, 1893.
- Arbman H.* Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm–Uppsala, 1943.
- Arbman H.* Birka. II. Die Gräber. Text. Stockholm-Uppsala, 1941.
- Arne T.* La Suede et l'Orient. Uppsala, 1914.
- Holmqvist W.* Excavation at Helgö, I. Report for 1954–1956. Stockholm, 1961.
- Jansson I.* Ett rembeslag av orientaliske typ funnet på Island. Vikingatidens orientaliske Bälten och deras eurasiska sammanhang // Tor. 1975–1977. Vol. XVII. Uppsala, 1978.
- Jansson I.* Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischen Typ // Birka II: 2. Systematische Analysen der Grabefunde. Stockholm, 1986.
- Jansson I.* Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Skandinavien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Band 69. Mainz am Rhein, 1988.
- Jansson I.*, Warfare, trade or colonization? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Vikings in Russia and Sweden. Ed. by P. Hansson. Örebro, 1997.
- Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973.
- Pushkina T.* Scandinavian finds from Old Russia. A survey of their topography and chronology // The Rural Vikings in Russia and Sweden. Ed. by P. Hansson. Örebro, 1997.
- Stalsberg A.* The Scandinavian Viling Age finds in Rus'. Overview and analysis // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Band 69. Mainz am Rhein, 1988.

Список сокращений

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ГИМ – Государственный исторический музей

КСИА – Краткие сообщения института археологии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

СА – Советская археология

T. A. Pushkina

The problem of the eastern impact on Scandinavia and Rus' in the early Middle Ages

Summary

Swedish archaeologist T. Arne was first who examined the contacts of North Europe and East in 1914. He considered appearance of the belts, decorated with the metallic platelets of the Khazarian origin in Scandinavia as result of these contacts. The collection of the objects of the “Eastern origin” is diverse and waist of the belts set is a small fraction of the archaeological material. Unique for ancient Russia as well as for the Viking age Scandinavia objects could appear there as the trophies of the military marches of the Russians and Scandinavians, who were part of Old-Russian retinue.

K e y w o r d s : Old Rus', Khazaria, Saltovo belts.